

Ляшенко Д. Н. — аспирант кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета.

УДК: 81'22+16

СТРУКТУРА КОМПОНЕНТОВ ЗНАКА

Анализируются основные свойства и отношения знаковых компонентов. Во избежание неточностей и для достижения единства в понимании знака предлагается исходить не из натуральных, а из структурных оснований. Строятся формальные модели компонентов знака.

Ключевые слова: знак, означающее, интенционал, экстенционал.

СТРУКТУРА КОМПОНЕНТІВ ЗНАКУ

Аналізуються основні властивості та відношення компонентів знаку. У якості підстави для усунення неточностей та досягнення єдності у розумінні знаку пропонується виходити не з натуральних, а зі структурних підстав. Конструюються формальні моделі компонентів знаку.

Ключові слова: знак, позначувач, інтенціонал, екстенціонал.

THE STRUCTURE OF SIGN COMPONENTS

Basic properties and relations between components of a sign are analyzed. It is proposed that to get precise and unified model of a sign one must use not natural but structural ontological foundations. Formal models of components of a sign are constructed.

Keywords: sign, signifier, intension, extension.

До сих пор нет общего (общепринятого) определения знака (более того, иногда говорят, что дать такое определение не представляется возможным и лучше говорить не о знаке собственно, а о знаковой ситуации [1]). У этого обстоятельства есть несколько причин. Одна из них — отсутствие единства в понимании структуры знака безотносительно к природе его компонентов. На наш взгляд, эта причина фундаментальна, так как на ее основе возникают все остальные принципиальные расхождения. Содержательному и формальному анализу базового минимума компонентов знака посвящена данная работа. Одновременно анализируются некоторые предпосылки и последствия «натурального», в отличие от «структурного» [2], [3] понимания знака и его составных частей. В статье используются элементы языка тернарного описания (ЯТО) и общей параметрической теории систем (ОПТС) [4], [5].

Когда исследователи пытаются дать определение знака, они в основном придерживаются двух схем определений, различающихся парадигмально. Эти схемы условно можно назвать «пирсовской» и «соссюровской». Условность выражается в том, что и до Ч. Пирса и Ф. Соссюра существовали представления знака в соответствии с этими двумя способами [6].

В данной статье нас интересует, прежде всего, схема определения Пирса. Знак — это некоторый объект, который замещает другой объект для кого-то, в некотором качестве или отношении [7]. Здесь очевидна моделирующая характеристика знака (если понимать модель предельно широко как вещь, которая замещает другую вещь по каким-то свойствам или отношениям). На ЯТО это свойство знака можно выразить так: $\{a(\iota A)\} \bullet \{(\iota A')\} \{ \iota A \rightarrow \iota a \}$. Тогда, когда

То есть означающим какого-то объекта ιa будет произвольный объект ιA , тогда когда произвольный объект ιA , находясь в некотором отношении a , обладает свойством, отличным от самого себя $\iota A'$, которое указывает на объект ιa . Как видно, здесь исключена прагматическая часть определения Пирса («для кого-то»). В целях простоты можно условиться считать ее частью «некоторых отношений».

Очевидно, что данная формула не есть определение знака, а есть лишь формальное выражение одного из аспектов знака — его моделирующей функции. Определение знака через понятие модели, на наш взгляд, более перспективно, чем использование расплывчатого понятия замещения [6]. Направление моделирования изменяется в зависимости от роли участников знаковой ситуации, но структура знака в целом не меняется. Означающее предполагает то, что означается — то есть означаемое. Значение предполагает, что оно чем-то означается — то есть означающее.

В элементарной знаковой ситуации есть несколько компонентов: адресант, адресат (в случае автокоммуникации они экстенционально совпадают), используемая знаковая система со своими правилами функционирования (синтаксическими, семантическими, прагматическими), знаки со

своими компонентами. Адресант моделирует экстенционал с помощью означающего $\{ia \rightarrow iA\}$. Адресат же, воспринимая означающее, моделирует его с помощью экстенционала $\{iA \rightarrow ia\}$. И первое, и второе возможно лишь при наличии интенционалов у адресанта и адресата. Интенционалы должны совпадать настолько, насколько это вообще возможно, чтобы не было «диалога глухого с немым».

Последнее происходит достаточно часто. Отсюда возникает и отсутствие одно-однозначного соответствия между «пониманиями» участников коммуникации, разными языками, теориями, парадигмами и т. д. Здесь же корень популярности каузальной и близких к ней концепций референции, пытающихся избежать субъективизма, который, как кажется, неизбежен, если учитывать субъектную природу интенционала в означивании. То есть интенционал учитывают либо в качестве идеальной объективной сущности, населяющей миры объективного знания и никоим образом не связанной с индивидуальной психикой [8], [9], либо интенционал наделяют качествами интерсубъективности, обобщенного идеализированного значения выражений [10]. В обоих случаях интенционал подменяют экстенционалом.

Как показывают современные когнитивные исследования, можно оставаться в рамках научного дискурса, не впадая в крайности «мифов объективизма и субъективизма» [11]. Но совершенно невозможно заниматься научным исследованием значения без анализа того, каким образом интенционал как часть когнитивной системы человека соотносит означающее и референт. Каузальная теория референции стремится к элиминации интенционала, как именно интенционала, в силу его неудобности. Одним из источников и красноречивой иллюстрацией данной позиции является бихевиористская полная или частичная элиминация качественной стороны феномена сознания (квалиа, опыт от первого лица). Оправданием служат ссылки либо на сложность анализа, либо на иллюзорность феномена сознания, производность его от социокультурных или нейронных интеракций, либо на неправильное употребление языка. По сути же, в каждом конкретном случае происходит абсолютизация некоторых принятых на веру положений.

Итак, структура моделирования в рамках знаковой ситуации одна и та же, меняются только места конкретных компонентов. Это или последовательность экстенционал — интенционал — означающее в случае моделирования адресантом. Или означающее — интенционал — экстенционал в случае моделирования адресатом. Положение интенционала особое: именно с его помощью «схватывается» экстенционал, моделируемый в означающее адресантом. И именно при участии интенционала означающее моделируется в экстенционал в случае адресата. Именно поэтому интенционал всегда предшествует и экстенционалу, и означающему, и именно интенционал является связующим звеном между означающим и экстенционалом. Строго говоря, экстенционалы в цепочках адресанта и адресата не совпадают. Степень их подобия зависит от степени совпадения интенционалов. Если встать на позиции крайнего номинализма, то и означающие знаков не могут быть тождественными. Однако мы предполагаем, что все-таки наибольшей степенью подобия обладают именно означающие.

Понятие интенционала близко тому, что называется *концептом* t в ОПТС, то есть к тому понятию, с которого начинается построение системы $([a(*A)])t \rightarrow t$ (это выражение эквивалентно выражению «если нет концепта, то нет и системы»). Иногда допустимо рассуждать о субстрате системы без уточнения концепта, но всегда следует помнить, что такое использование чревато нетерминологическим использованием понятия системы. То же относится к знаку и его компонентам. Говорить об экстенционале как об объекте без уточнения интенционала и означающего можно лишь приблизительно, лишь временно упрощая ситуацию по каким-либо эвристическим причинам или ведя обыденный, ненаучный диалог. Все, с чем мы имеем дело в качестве каких-либо вещей, объектов допустимо рассмотреть в качестве экстенционалов знаков, смоделированных интенционалами и означающими (естественно, в рамках соответствующей знаковой системы). Системой является произвольная вещь, на которой реализована структура в соответствии с концептом. Субстрат, находящийся в «двойном подчинении» (концепта и структуры) — это система. Экстенционал, моделируемый в означающее при помощи интенционала, — это знак.

Ч. Пирс часто употребляет слово знак (sign) и по отношению к означающему (representamen), и по отношению к интенционалу (interpretant), и в отношении знака как целого [7, с. 99]. Для этого есть свои причины, частично связанные с динамикой неограниченного семиозиса, однако это является источником некоторой путаницы. Есть целая традиция определения знака как материального объекта, который указывает на что-то. Структурные трудности, вызываемые данным положением, усиливаются опорой на природу знака. Последнее обстоятельство затрагивает означающие и

«книга», «стол» и т. д. можно помыслить или даже увидеть этот «внеязыковой факт»? Мы можем сказать, что какая-то вещь *находится на* другой вещи $a(a)$. Если нет понятия об отношении «находиться на», то можно просто перечислить вещи списком: «какая-то вещь и еще одна вещь» $\{a, a\}$, а если мы не различаем, сколько там вещей, то можем просто указать «какую-то вещь» $\{a\}$. Допустим, что у нас нет понятия о вещи. Как книга на столе выглядит для муравья, проползающего мимо? А как выглядит книга на столе на уровне микромира? Очевидно, что в последнем случае нет никакой возможности говорить о «книге на столе», так как ни книги, ни стола, ни «на» в микромире нет. Если бы у нас была возможность посмотреть на мир с точки зрения атомов, то мы бы увидели лишь другие атомы, но никак не объекты макромира. Дело не в том, что язык создает мир каким-то магическим образом, а лишь в том, что, когда некоторые исследователи апеллируют к внеязыковой действительности, они наделяют ее «человеческими характеристиками» и абсолютизируют эту «человеческую размерность» нашего образа мира. Поэтому появляется мнение, что наличие книги на столе — это независимое от нашего сознания и языка положение вещей. Однако мы способны увидеть лишь то, что способны (к примеру, мы воспринимаем лишь узкую полосу электромагнитного спектра, а свет — это главный переносчик информации в физическом мире). На самом деле, допустимо рассуждать лишь о действительности вне знаковой системы — некоторой или определенной: a -знаковой системы или t -знаковой системы.

Для общей семиотики не имеет особого смысла разграничение, например, денотатов и референтов. Очевидно, что данные дистрикции имеют смысл для лингвистики, но они уводят в сторону, если речь идет об общей теории знаковых систем. Общую теорию знаковых систем не построить, если постоянно отвлекаться на бесконечные детали типа разграничения лексического значения и внеязыковых объектов (сюда же следует отнести бесплодность обращения с натуральным языком как со знаковой системой особого рода [16]). Данное положение вещей связано с опорой общей семиотики на структурную, а не натуральную онтологию.

Не имеет существенного значения и теоретико-множественные дифференциации экстенционалов, референтов, денотатов, десигнатов (к примеру, согласно Ч. Моррису, есть конкретный объект, на который указывает знак, и есть десигнат — класс объектов, который может состоять и из одного элемента, но никогда не совпадает с «реальным объектом» [17]).

Как видно из предыдущего текста, мы используем термин «экстенционал» не в теоретико-множественном смысле (хотя вроде бы само слово обязывает), а понимаем экстенционал просто как вещь, в ее качественном смысле [18]. Учитывая, что количество можно понимать как разновидность качества (на ЯТО [19, с. 78–79]), качественное понимание экстенционала, видимо, не исключает полностью традиционного его понимания.

Таким образом, у нас есть некоторый минимум компонентов знака: означающее, интенционал, экстенционал. Если вернуться к нашей формуле означающего: произвольный объект IA (означающее) обладает свойством означать какой-то объект ia (экстенционал), когда означающее, находясь в некоторых отношениях, обладает свойством, отличным от самого себя $(a(IA))IA'$, и указывает на экстенционал ia . Свойство $[(IA^*)IA']$ является интенциональным компонентом, зависящим от внезнакового пользователя знаком. Объект IA' не исчерпывает полностью интенционал, а затрагивает лишь ту его сторону, которая моделирует объект, отличный от означающего IA . Учитывая, что направление моделирования меняется при изменении ролей адресата / адресанта, формулу означающего следует дополнить «формулой экстенционала».

Объект ia является экстенционалом означающего IA тогда, когда $\{([a(ia)])ia'\} \bullet \{(ia')\{ia \rightarrow IA\}\}$. Упрощенно говоря, формулы *означающего* и *экстенционала* выражают такую мысль: означающее моделирует экстенционал, а экстенционал моделирует означающее.

Осталось раскрыть структуру интенционального компонента знака. Интенционал — это такая вещь, которая сопрягает означающее и экстенционал в знак. Интенционал имеет несколько важнейших характеристик. Во-первых, это субъектность (он всегда возникает или имеется у субъекта, но не субъективен по структуре). Это обстоятельство сразу же исключает концепции, в которых интенционалы свободно парят в мире идей. С первой характеристикой связана вторая. Интенционал — это то, что изменяется. Часто это связано с развитием человека, его психики, ума, понимания — когнитивной системы в целом (К. Уилбер использует термин *developmental signified* [20]). Муравей, проползающий мимо книги на столе, не способен увидеть «книгу на столе», в том числе ввиду отсутствия у него соответствующего интенционала. Более того, муравей отличается от человеческого младенца тем, что у последнего этот необходимый интенционал может появиться в процессе

когнитивного развития, а у муравья не появится. Именно эта характеристика знака ответственна за возможность появления нового знания. Эту характеристику, с учетом того, что когнитивные структуры (в отличие, например, от «структур идентичности») надстраиваются одна на другую, сохраняя при этом предыдущие структуры в качестве подструктур [20], кажется бессмысленным выразить на ЯТО с помощью понятия над-объекта $[(ia')\{ia \supset ia'\}]$. В-третьих, интенционал в «пирсовской парадигме знака» совпадает с понятием атрибутивного концепта системы. С учетом этих характеристик можно предложить выражение, описывающее структуру интенционала. Объект ia является интенционалом знака (с экстенционалом ia и означающим iaA) тогда, когда $\{(ia)\{\{iaA', ia'\}\{\{iaA', ia'\} \rightarrow \{iaA \leftrightarrow ia'\}\}\}\} \bullet$

$$\bullet \{(ia)\{[(ia')\{ia \supset ia'\}]\}, \{(ia)t \bullet \{t \rightarrow [(a(*A))]t\}\}\}.$$

Смысл этой формулы в том, что интенционал обладает такими свойствами, посредством которых означающее моделирует экстенционал и наоборот, к тому же интенционал является «развивающимся» компонентом, и что тогда, когда интенционал фиксирован, он исполняет роль концепта системы.

Для построения общей семиотики и, в частности, для того, чтобы предложить общую модель, могущую стать общепринятым определением знака, следует сконцентрироваться на интегрирующих, а не дифференцирующих моментах. В конце концов, исследованию тонкостей нет предела — это путь к дезинтеграции. На наш взгляд, требуется упрощение модели знака, причем на структурных, а не натуральных основаниях, но с учетом принципов работы когнитивной системы человека, которая, по крайней мере, частично ответственна за саму «структурность». Зафиксировав постоянное количество компонентов знака, их основные свойства и структуру, можно будет дать общее определение знака. В данной статье произведена небольшая часть этой работы и намечены общие черты пути, по которому можно двигаться далее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шрейдер Ю. А. Логика знаковых систем: элементы семиотики / Ю. А. Шрейдер / 2-е изд. — М.: ЛИБРОКОМ, 2010. — 64 с.
2. Цофнас А. Ю. Структурная и натуральная онтология / А. Ю. Цофнас // Вестник ОНУ. — Том 12. — Выпуск XIII. — Одесса: ОНУ им. И. И. Мечникова, 2007. — С. 21–30.
3. Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания / А. Ю. Цофнас. — Одесса: Астропринт, 1999. — 308 с.
4. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уёмов. — М.: Мысль, 1978. — 272 с.
5. Uyemov A. I. The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory: Parts 1-3 / A I. Uyemov // International Journal of General Systems. — 1999, vol. 28 (4-5); 2002. — Vol. 31 (2); 2003. — Vol. 32 (6).
6. Барулин А. Н. Основания семиотики: знаки, знаковые системы, коммуникация. Часть 2: Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра) / А. Н. Барулин. — М.: СиК-2000, 2002. — 402 с.
7. Peirce Ch. Logic as semiotic: the theory of signs / Ch. S. Peirce // Philosophical writings of Peirce. — N.Y.: Dover Publications, 1955. — P. 98–119.
8. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Логика и логическая семантика: сборник трудов / Г. Фреге / Пер. с нем. — М.: Аспект пресс, 2000. — С. 326–342.
9. Холл Парти Б. Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность / Б. Холл Парти // Семиотика: антология / Ред., сост. Ю. С. Степанов. — М.: АК; Екатеринбург: ДК, 2001. — С. 304–324.
10. Ajdukiewicz K. Language and meaning / K. Ajdukiewicz // The scientific world-perspective and other essays, 1931–1963. — Dordrecht: D. Reidel Pub. Co., 1978. — P. 35–66.
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago: The University of Ch. Press, 1980. — 242 p.
12. Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы / А. А. Ветров. — М.: Политиздат, 1968. — 264 с.
13. Хокинс Д., Блейкли С. Об интеллекте / Дж. Хокинс, С. Блейкли / Пер. с англ. — Москва — Санкт-Петербург — Киев: Изд. дом Вильямс, 2007. — 240 с.
14. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought / G. Lakoff, M. Johnson. — New-York: Basic books, 1999. — 624 p.

© *Муха-Шаек Е.*

15. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge / P. Berger, T Luckmann. — London: Penguin books, 1991. — 249 p.
16. Уёмов А. И. Обладает ли натуральный язык спецификой в качестве знаковой системы? / А. И. Уёмов // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — Ч. 1. — С. 33–35.
17. Моррис Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика: антология / Ред., сост. Ю. С. Степанов. — М.: АК; Екатеринбург: ДК, 2001. — С. 45–97.
18. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения / А. И. Уёмов. — М.: Изд. АН СССР, 1963. — 184 с.
19. Уёмов А. И., Терентьева Л. Н. Лекции и задачи по метафизике: в 2-х частях / А. И. Уёмов, Л. Н. Терентьева. — Одесса: Астропринт, 2009. — 280 с.
20. Wilber K. Sex. Ecology. Spirituality: The spirit of evolution / K. Wilber. — 2-d ed. — Boston & London: Shambhala, 2000. — 852 p.

Муха-Шаек Е. — проректор по науке Высшей школы отельного бизнеса, Познань, Польша (Wyższa Szkoła Hotelarstwa i Gastronomii), PhD (экономика).

УДК: 316.344.7

ПРОБЛЕМА МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПОЛИВАРИАНТНОСТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СТРАТЕГИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

В данной публикации осуществлен обзор основных направлений исследования молодежной проблематики в Украине и России. Представлена тематическая классификация исследований, прежде всего, в «социологии молодежи». Особое внимание уделено обзору и критическому анализу диссертаций по социальной философии, посвященных различным аспектам жизнедеятельности молодежи.

Ключевые слова: молодежь, социология молодежи, социальная философия, междисциплинарность

ПРОБЛЕМА МОЛОДІ В СУЧАСНИХ СОЦІОГУМАНИТАРНИХ ДОСЛІДЖЕННЯХ: ПОЛІВАРІАНТНІСТЬ МІЖДИСЦИПІНАРНИХ СТРАТЕГІЙ ТА МОЖЛИВОСТІ СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКОГО АНАЛІЗУ

В публікації здійснено огляд основних напрямків дослідження молодіжної проблематики в Україні та Росії. Представлено тематичну класифікацію наукових робіт, перш за все, з «соціології молоді». Особливу увагу приділено огляду та критичному аналізу дисертацій з соціальної філософії, які присвячені різним аспектам життєдіяльності молоді.

Ключові слова: молодь, соціологія молоді, соціальна філософія, міждисциплінарність.

YOUTH PROBLEM IN MODERN SOCIAL AND HUMANITARIAN RESEARCH: MULTIVARIATIVITY OF INTERDISCIPLINARY STRATEGIES AND THE POTENTIAL OF SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article is aimed to review the basic research trends of the problem of youth in Ukraine and Russia. Thematic classification of the investigation in sociology of the youth is submitted. Critical analysis of the dissertation in social philosophy from the problem of the youth is proposed.

Keywords: youth, sociology of the youth, social philosophy, interdisciplinary strategies.

Проблема молодежи в самых разных ее ракурсах является предметом научного анализа многих социально-гуманитарных наук. Термин «молодежь» входит в категориальный аппарат социальной философии, социологии, психологии, педагогики, антропологии, политологии, правоведения и т. д. Вместе с тем именно в этой, казалось бы, хорошо освоенной области междисциплинарных исследований ощущается настоящая потребность переосмысления традиционных подходов, прежде всего, на социально-философском уровне. Аналитически оценивая результаты освоения «молодежной темы» в советский период, современные исследователи